

005003295

Костелянец Сергей Валерьянович

**Социально-политические и гуманитарные аспекты конфликта в суданском
регионе Дарфур**

Специальность 23.00.04

Политические проблемы международных отношений, глобального и
регионального развития

- 1 ДЕК 2011

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Москва – 2011

Работа выполнена в Центре изучения стран Северной Африки и Африканского Рога
Учреждения Российской академии наук Института Африки РАН

Научный руководитель: кандидат исторических наук
Тихомиров Николай Константинович
Дипломатическая Академия МИД РФ

Официальные оппоненты: доктор политических наук, профессор
Мелкумян Елена Суреновна
Российский Государственный Гуманитарный
Университет

доктор исторических наук, профессор
Саватеев Анатолий Дмитриевич
Учреждение Российской академии наук
Институт Африки РАН

Ведущая организация Институт стран Азии и Африки
МГУ имени М.В.Ломоносова

Защита диссертации состоится «21» декабря, 2011 года в 12 часов на заседании
Диссертационного совета Д 002.030.02 при Учреждении Российской академии наук
Институте Африки РАН по адресу:
Москва, ул. Спиридоновка, 30/1, конференц-зал Института.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Учреждения Российской академии
наук Института Африки РАН.

Автореферат разослан «17» ноября 2011 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета,

Кандидат исторических наук

В.В.Грибанова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Конфликт в суданской провинции Дар-фур по праву считается одной из самых тяжелых гуманитарных катастроф XXI века.

Дарфур – обширный регион на западе Судана, занимающий площадь в 493180 кв. км – примерно одну пятую территории страны и граничащий с Ливией, Чадом и Центральноафриканской Республикой. В Дарфуре проживают представители множества племен, примерно 60% которых считаются арабскими, а 40% - африканскими (неарабскими). В 1994 г. в рамках административной реформы провинция была разделена на три штата – Западный, Северный и Южный Дарфур. Население региона почти полностью исповедует ислам.

Отдельные дарфурские племена издавна боролись друг с другом за доступ к природным ресурсам, прежде всего к плодородным и пастбищным землям и водным источникам. Ситуация резко обострилась в конце XX века, когда пустыня стала поглощать ранее пригодные к обитанию территории, заселенные преимущественно арабами-кочевниками, которые стали мигрировать на юг в поисках пастбищ, что привело к обострению отношений между ними и оседлыми земледельцами, в основном неарабами.

Распространение локальных конфликтов и общая дестабилизация обстановки в провинции привели к росту недовольства среди дарфурцев маргинальным социально-экономическим положением региона и отстранением дарфурской политической элиты от процесса принятия ответственных решений общенационального значения. В свою очередь, поддержка режимом Омара аль-Башира арабских племен в их борьбе за ресурсы и арабских ополчений «джанджавид» – в осуществлении ими насилия над неарабским населением привела к перерастанию локальных конфликтов в открытое вооруженное противостояние между центральным правительством и дарфурскими повстанческими формированиями. В 2003 г. против режима аль-Башира выступили две вооруженные оппозиционные группировки: Суданское освободительное движение/армия (СОДА) и Движение за справедливость и равенство (ДСР).

Мобильные арабские отряды джанджавид, частично вошедшие в состав суданской регулярной армии – Народных сил обороны, повинны в большом количестве жертв среди дарфурцев-неарабов. Именно поэтому Международный уголовный суд (МУС) обвинил президента Судана Омара аль-Башира в осуществлении геноцида против неарабского населения региона.

В ходе активной фазы (2003 - 2010 гг.) конфликта погибло, в том числе в результате эпидемий и голода, около 400 тыс. человек, а от 2 до 3 млн (из проживающих в регионе 7,2 млн), т.е. примерно трое из каждых семи человек, в результате военных действий стали беженцами и перемещенными лицами (ПЛ)¹. Более 2 млн сосредоточено на территориях трех штатов провинции – Северного, Западного и Южного Дарфура, несколько сотен тысяч беженцев находится в Чаде².

В 2010 г. число лагерей для перемещенных лиц на территории Дарфура насчитывало 95. Из них 37 были расположены в Западном Дарфуре, 41 - в Южном Дарфуре, 17 - в Северном Дарфуре. Лагеря охраняются специальными отрядами гибридной миссии ООН/Африканского Союза в Дарфуре - ЮНАМИД. Степень сохраняющейся напряженности характеризует статистика потерь миссии. С марта 2009 по конец 2010 гг. общее количество погибших составило 71 человек (военных - 47, полицейских - 11, гражданских лиц - 13).

Только в 2010 г. число беженцев и перемещенных лиц из районов боевых действий (Джебел Марра, Джебел Мун и др.) между правительственными войсками и мятежниками достигло 260 тыс. чел. Эти районы остаются недоступными для размещенной в Дарфуре ЮНАМИД. Процесс перемещения беженцев из лагерей в места их изначального проживания идет медленно: за ноябрь 2010 г. было переселено лишь 1,5 тыс. чел.

Акты насилия в регионе не прекращаются. В 2010 г. отмечено 1963 случая гибели дарфурцев: 43% - в результате вооруженных столкновений с отрядами регулярной армии, 40% - в межплеменных стычках, 17% - из-за

¹ Darfur Scores, Genocide Intervention Network - <http://www.darfurscores.org/darfur>

² UN High Commissioner for Refugees, UNHCR Country Operations Plan 2006 - <http://www.unhcr.org/refworld/docid/4321alec2.html>

других преступных действий. В 2009 г. погибло 875 чел., то есть в течение 2010 г. уровень насилия увеличился в два раза³.

Продолжаются похищения сотрудников ЮНАМИД и гуманитарных организаций, работающих под «зонтиком» ООН. В период с марта 2009 г. по середину 2010 г. отмечено более 30 случаев подобного рода. Нет сведений о причастности к инцидентам тех или иных групп повстанцев, однако известно, что похищение за выкуп остается важной статьей дохода как мятежников, так и местного населения.

В 2010 г. произошло 6 (в 2009 г. - 13) нападений на гуманитарные конвои и их разграбление, 4 раза (в 2009 г. - 24) сотрудники гуманитарных организаций вынужденно эвакуировались из мест их базирования в связи с угрозой безопасности.

Дарфур остается местом проведения едва ли не самой масштабной миротворческой операции из когда-либо осуществлявшихся под эгидой ООН. Бюджет миссии достигает \$1,7 млрд. В 2010 г. было осуществлено 13 тысяч гуманитарных акций⁴.

Актуальность работы обусловлена не только важностью изучения дарфурского конфликта как такового, влияющего на ситуацию в регионе, в Африке и в целом на расстановку военно-политических сил на мировой арене, но и сходством причин кризиса и особенностей его урегулирования с подобными ситуациями, возникающими в других регионах планеты. Изучение специфики и путей разрешения дарфурского конфликта будет способствовать выявлению предпосылок для появления других очагов нестабильности и их предотвращению.

Объект исследования - социально-политическая и гуманитарная ситуация в суданской провинции Дарфур в 2003-2010 гг.

Предмет исследования - причины, предпосылки, ход и способы урегулирования дарфурского конфликта, его региональные аспекты, особенности внешнего влияния на политическое положение в регионе, деятельность международных организаций и зарубежных стран по разрешению кризиса. Анализ генезиса конфликта, его особенностей, взаимосвязи с политической

³ Быстров А.А. Дарфур: немного статистики. Институт Ближнего Востока, 30.11.2010.

⁴ UNAMID - <http://www.un.org/en/peacekeeping/missions/unamid>

обстановкой в соседних странах позволяет выявить причины длительного вооруженного противостояния в регионе, а также предложить пути преодоления кризисных факторов и достижения стабильности в Дарфуре.

Хронологические рамки исследования охватывают 2003-2010 гг., то есть, период с момента возникновения конфликта до подписания в 2010 г. серии рамочных соглашений по мирному урегулированию между центральным правительством Судана и основными дарфурскими повстанческими фракциями. При этом с целью прояснения отдельных обстоятельств, связанных с недавними или текущими событиями, автор делает экскурсы в историю того или иного вопроса.

Цели и задачи исследования. Целью исследования является выявление причин, предпосылок, движущих сил и хода дарфурского конфликта, а также особенностей миротворческой деятельности по его разрешению.

Исходя из цели исследования, были поставлены следующие задачи:

- определить основные причины и предпосылки конфликта в Дарфуре;
- показать роль расово-этнического фактора в возникновении кризиса;
- проанализировать особенности политико-административного управления регионом с точки зрения возникновения конфликта;
- оценить расстановку военно-политических сил в Дарфуре;
- рассмотреть роль центрального правительства в стабилизации и дестабилизации политической обстановки в регионе;
- изучить специфику внешнего воздействия на ситуацию в Дарфуре;
- исследовать особенности проведения мирных переговоров по урегулированию конфликта и их последствия;
- проанализировать роль миротворческих миссий АС, ООН и гибридной миссии ЮНАМИД в Дарфуре.

Источниковой базой исследования являются документы ООН, СБ ООН, Африканского Союза, правительства Судана и других государств, тексты международных соглашений и иные нормативно-правовые акты международных и африканских организаций, а также отчеты и доклады международных неправительственных организаций «Хьюман Райтс Вотч» (Human Rights Watch), Международной Амнистии (Amnesty International), Международной кризисной группы (International Crisis Group) и др.

Важным источником явились официальные выступления государственных и политических деятелей Судана и других стран, касающиеся особенностей возникновения и урегулирования дарфурского кризиса. При разработке темы автор использовал средства массовой информации и интернет-ресурсы правительств, министерств, парламентов, статистических служб и других ведомств и организаций. Наряду с российскими изучены материалы по данной тематике в периодических изданиях, вышедших за рубежом на английском, французском и немецком языках.

Степень разработанности темы. В последние годы в отечественной науке и африканистике, в частности, не проводилось комплексных исследований дарфурского кризиса с учетом всех факторов, являвшихся его причинами и предпосылками, хода военных действий, а также способов и методов урегулирования. Отдельные вопросы, относящиеся к проблематике представленной работы, нашли отражение в трудах российских ученых. В их числе работы А.Г.Бакланова⁵, Е.А.Кудрова⁶, Ю.М.Кобищанова, В.В.Куделева, С.Ю.Серегичева, Н.К.Тихомирова, Н.З.Фахрутдиновой.

Н.К.Тихомиров в книге «Региональные конфликты. Проблема Юга Судана» исследует один из наиболее продолжительных конфликтов в истории африканских государств после провозглашения независимости - гражданской войны на Юге Судана, ход и последствия которой оказали заметное влияние на ситуацию в Дарфуре⁷. Монография С.Ю.Серегичева «Судан: исламотрадиционализм и армия» посвящена событиям суданской политической истории в 1985-2005 гг. В ней исследуются причины неудач парламентской демократии в 1985-1989 гг., факторы, способствовавшие приходу к власти в 1989 г. военно-исламистского альянса. Отдельный параграф посвящен вооруженному конфликту в Дарфуре, в котором автор делает важное замечание о взаимосвязанности событий в регионе и соседнем Чаде⁸. Е.А.Кудров в своей работе «Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции» рассматривает некоторые причины политической нестабильности в регионе и усилия

⁵ Бакланов А.Г. Ближний Восток: "Дорожная карта" региональной безопасности. М., 2006.

⁶ Кудров Е.А. Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции. М., 2008.

⁷ Тихомиров Н. К. Региональные конфликты. Проблема Юга Судана. М., 2006.

⁸ Серегичев С.Ю. Судан: исламотрадиционализм и армия. М., 2006.

мирового сообщества по поиску разрешения кризиса⁹. Автор, в частности, делает справедливый вывод о том, что «дарфурское урегулирование нужно рассматривать не только само по себе, но и в контексте общесуданской ситуации, учитывать региональный и международный контекст»¹⁰. Вопросы безопасности в Судане в целом и в Дарфуре, в частности, затрагивались в статье Н.З.Фахрутдиновой «Социально-политические причины конфликтной ситуации в Судане»¹¹, в которой указывается на то обстоятельство, что «кризис в Дарфуре разгорелся буквально сразу после того, как в этой части страны были обнаружены колоссальные запасы нефти»¹². Этот вывод чрезвычайно важен, несмотря на возникшие в последнее время сомнения в существовании реально значительных запасов нефти в Дарфуре.

Зарубежная научная литература по теме диссертации представлена монографиями и статьями американских, европейских и африканских исследователей, посвященными отдельным аспектам рассматриваемой темы. Так, американский исследователь М.Барр в своей книге «Дарфур: долгая дорога к катастрофе», обращаясь к истории конфликта, доказывает тесную связь с ситуацией в Дарфуре событий в соседнем Чаде и развития в этой стране оппозиционного движения, а также показывает особенности влияния Ливии на суданскую и чадскую политику, в значительной степени обусловившего перманентную нестабильность в регионе¹³. В книге американских правозащитников Джулии Флинт и Алекса де Ваала «Дарфур: короткая история долгой войны», изданной в 2005 г., то есть, в самый разгар военных действий, авторы рассматривают причины и предпосылки дарфурского кризиса, развивавшиеся в течение по крайней мере двух предшествовавших текущему конфликту десятилетий, деятельность арабских ополчений джанджавид во время первой фазы конфликта и особенности формирования повстанчества в Дарфуре¹⁴. Французский ученый Жерар Прунье в работе «Дарфур. Двусмысленный геноцид» делает акцент на маргинализацию и экономическую отста-

⁹ Кудров Е.А. Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции. М., 2008.

¹⁰ Там же, с. 62.

¹¹ Фахрутдинова Н.З. Социально-политические причины конфликтной ситуации в Судане // Экономические и социально-политические аспекты африканской безопасности. № 18, М., 2010.

¹² Там же, с. 120.

¹³ Burr, Millard. Darfur: The Long Road to Disaster. Princeton, 2006.

¹⁴ Flint, Julie and Alex de Waal. Darfur: A Short History of a Long War. N.Y., 2005.

лость региона в качестве основной причины конфликта¹⁵. В свою очередь М.В.Дэли в книге «Сожаление о Дарфуре: история разрушения и геноцида» видит в основе конфликта разногласия между расово-этническими группами региона, инициированные правительством¹⁶.

При написании работы использованы документы и другие материалы, собранные автором во время работы в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в 2006-2008 гг.

Теоретико-методологическая основа исследования. Автор опирался на теорию международных отношений и теорию конфликтов как особую область знания, развивающуюся параллельно с социологией, политологией, психологией, теорией права и другими науками, на такие методы, как типологический, структурно-функциональный, институциональный, а также сравнительный анализ. При изучении дарфурского конфликта использовались также теория потребностей, основанная на концепциях Абрахама Маслоу, предложившего ряд иерархически организованных потребностей личности: физиологические, безопасность, любовь, уважение и самовыражение, и теория фрустрации-агрессии.

В процессе исследования автор опирался на работы ведущих отечественных африканистов, арабистов и востоковедов: И.О.Абрамовой, Д.М.Бондаренко, А.М.Васильева, Ю.Н.Винокурова, М.Л.Вишневого, Л.В.Гевелинга, Н.В. Громовой, О.Б.Громовой, Т.И.Дейч, Б.В.Долгова, Р.Н.Исмагиловой, Ю.М.Кобищанова, Е.Н.Корендясова, Н.Д.Косухина, Н.Б.Кочаковой, В.Ю.Кукушкина, Р.Г.Ланды, Э.Е.Лебедевой, А.В.Малашенко, Е.С.Мелкумян, Т.П.Милославской, В.В.Наумкина, Ю.В.Потемкина, А.Д.Саватеева, М.А.Сапроновой, Н.А.Симонии, И.В.Следзевского, Н.К.Тихомирова, А.А.Ткаченко, А.Ю.Урнова, Л.Л.Фитуни, Г.К.Широкова, А.Я.Эльянова, Л.М.Энтина, М.Л.Энтина, Ю.А.Юдина и др.

Были использованы труды зарубежных историков и политологов-африканистов Ж.-Ф.Байяра, Т.Р.Гарра, Л.Даймонда, Р.Х.Джексона, И.У.Зартмана, К.Клэпхэма, Д.Д.Лэйтина, Д.Маршалла, Г.Миллса, Дж.Монти,

¹⁵ Prunier, Gerard. Darfur. The Ambiguous Genocide. N.Y., 2007.

¹⁶ Daly, M.W. Darfur's Sorrow: A History of Destruction and Genocide. N.Y., 2007.

К.Дж.Росберга, Р.Сэндбрука, В.Тэннера, Дж.Фирона, Дж.Хербста, Д.Хоровица, К.Янга и др.

Автор придерживается, в частности, следующих теоретических положений:

Важнейшие аспекты всякого конфликта – причины возникновения, пути и способы его предупреждения, прекращения и разрешения. Для конфликта необходимы, по крайней мере, две *противодействующие стороны*. Их поступки обычно направлены на достижение взаимоисключающих интересов, что ведет к столкновению сторон.

Можно выделить три аспекта определения границ конфликта: пространственный, временной и внутрисистемный. *Пространственные границы* конфликта обычно определяются территорией, на которой происходит конфликт. *Временные границы* - это продолжительность конфликта, его начало и конец. Определение *внутрисистемных границ* конфликта тесно связано с четким выделением конфликтующих сторон из всего круга его участников. Следует учитывать также, что кроме непосредственно противоборствующих сторон участниками конфликта могут быть и такие фигуры, как подстрекатели, организаторы конфликта (сами в нем непосредственного не замешанные), а также третейские судьи, советники, сторонники и противники тех или иных лиц или групп, конфликтующих между собой. Все эти лица (или организации) - элементы системы. Границы конфликта в системе зависят, таким образом, от того, насколько широк круг вовлеченных в него участников.

Разрешение противоречий - объективная функция конфликта. Если целью одной из сторон может быть устранение противоречия, то целью другой - сохранение статус-кво, уклонение от конфликта или разрешение противоречия без противоборства сторон. В конфликте могут быть заинтересованы даже не сами противоборствующие стороны, а третья сторона, провоцирующая его.

Типология конфликтов может быть основана на определении сфер проявления конфликта. По этому критерию можно выделить *экономические, политические, этнические, межконфессиональные, бытовые, культурные и социальные* (в узком смысле слова) конфликты. Возможно деление конфликтов по длительности (*долгосрочные, краткосрочные*), по степени ограничен-

ности в пространстве и времени, по числу сторон (*двусторонние, многосторонние*).

Под *предметом конфликта* понимается объективно существующая или мыслимая (воображаемая) проблема, служащая причиной раздора между сторонами. *Объектом конфликта* может выступать любой элемент материального мира и социальной реальности, способный служить предметом личных, групповых, общественных, государственных притязаний. Основные *субъекты конфликта* - противоборствующие стороны, совершающие активные (наступательные или оборонительные) действия друг против друга.

Научная новизна исследования. В работе впервые рассмотрены комплексные причины и предпосылки дарфурского кризиса, проведен тщательный анализ движущих сил конфликта, выявлены слабые стороны процесса миротворчества в регионе. В отечественной и зарубежной научной литературе имеются исследования по данной проблематике, но все они посвящены лишь отдельным аспектам дарфурского кризиса.

Практическая значимость результатов исследования. Анализ генезиса кризисных событий в Дарфуре, определение путей достижения военнополитической стабильности важны для дальнейшего изучения и прогнозирования политических процессов в этой части Африканского континента. Работа может быть использована международными организациями в их практической деятельности, а также в процессе преподавания новейшей истории Африки, при разработке специальных курсов по истории Судана, Африки и Ближнего Востока.

Основные выводы и положения работы могут быть учтены в дальнейших исследованиях специалистами, занимающимися изучением политических конфликтов и путей их разрешения.

Результаты диссертационного исследования могут представлять интерес для органов государственной власти России, в том числе для Министерства иностранных дел РФ.

Апробация результатов диссертационной работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании Центра изучения стран Северной Африки и Африканского Рога. По теме диссертации автором были сделаны доклады на проходивших в Москве Международной научно-

практической конференции по Судану (2009), Круглом столе по Судану (2009), VIII и IX Всероссийских научных конференциях «Школа молодого африканиста» (2009, 2010), а также на XII Конференции африканистов (2011). По результатам конференций были опубликованы тезисы докладов. Соискатель имеет 13 публикаций по теме диссертации.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении характеризуется степень разработанности поставленной проблемы, обосновывается актуальность темы, указываются цели и задачи, предмет исследования, определяются теоретико-методологические основы исследования, хронологические рамки работы, новизна и практическая значимость диссертации. Рассматриваются также отечественные и зарубежные концепции социально-политического конфликта и возможность их использования при изучении ситуации в Дарфуре.

В первой главе «Причины и предпосылки дарфурского конфликта» анализируются корни конфликта и его основные причины, выделяется несколько групп факторов, спровоцировавших его. Диссертант отмечает взаимосвязанность факторов социально-экономического, социально-политического, внешнеполитического, этноконфессионального и военно-силового порядка.

Стремление к получению или расширению доступа к природным ресурсам, как правило, оказывается в центре противоборства между сторонами в конфликте. Из-за продолжительных засух, экологической деградации, а также меняющегося образа жизни многих групп местного населения в последние несколько десятилетий Дарфур начал испытывать острую нехватку земли и других природных ресурсов. Безусловно, неверным было бы утверждать, что засуха и деградация окружающей среды послужили непосредственными причинами конфликта, однако в сочетании с такими факторами, как неправильная экономическая политика, нерациональное использование природных ресурсов, недостаточное инвестирование в сельское хозяйство, отсутствие четко артикулированных законов землепользования, неправильная миграционная политика и др., характеризующими хозяйственную жизнь западных областей Судана, они не могли не привести к росту недовольства жителей региона.

В 1990-х гг. Дарфур пережил фатальную комбинацию массивной иммиграции из Чада, прежде всего, скотоводов-кочевников, масштабной внутренней миграции, обусловленной усиливающейся потребностью в земельных и водных ресурсах, и манипуляций центральной и местных властей с целью

усиления политических и экономических позиций одних этнических групп за счет других. Движущей силой соперничества за дарфурские природные ресурсы был земельный голод, испытываемый суданскими арабскими скотоводами и верблюдоводами в северном Дарфуре и пастухами чадского происхождения. Споры по поводу пастбищ и путей кочевых миграций, создавшие конфликтную ситуацию, проистекали из таких проблем, как наличие лишь небольшого числа миграционных коридоров и путей для перегона скота, к тому же плохо обеспеченных водой; развитие вдоль сезонных рек ирригационных сельских хозяйств, блокирующих миграционные пути, а также из-за движения - в связи с экологической деградацией пустынных земель - на юг верблюжьих стад. Споры из-за плодородных земель провоцировались и недавно обедневшими кочевниками, искавшими землю для культивации и обнаружившими, что лучшие территории уже распределены или захвачены.

Там, где власти с помощью полиции и армии отбирали землю у мелких землевладельцев и скотоводов, получали распространение вандализм и другие преступления. В некоторых случаях земельные экспроприации непосредственно вели к мятежу.

Перманентная нестабильность в регионе, обусловленная борьбой за природные ресурсы, создавала основу для возникновения полномасштабного конфликта, трансформировавшегося в расово-этническую конфронтацию, а также противостояние между наиболее крупными племенными образованиями региона и центральным правительством, поддерживавшим арабское население против неарабского.

Среди других причин конфликта автор выделяет распространившееся недовольство маргинальным положением Дарфура. Почти половина национального дохода Судана оседает в столице, где проживает 20% всего населения. Здесь сосредоточено около $\frac{3}{4}$ работников здравоохранения, сконцентрированы крупные промышленные предприятия и инфраструктурные объекты. Периферия же квалифицируется как наименее развитая часть страны, где большинство населения проживает в абсолютной бедности.

Недовольство отстраненностью дарфурцев от участия в процессе принятия политических решений, осуществляемом центральным правительством, разделяется большинством лидеров и рядовых членов дарфурских пов-

станческих движений. Еще большее разочарование высказывалось по поводу деятельности традиционных политических партий, особенно исламских и исламистских. Некоторые члены правительства Омара аль-Башира признавали недопустимые масштабы маргинализации суданской периферии в целом и Дарфура, в частности, но рассматривали ее в качестве фактора социальной нестабильности, а не повода к экономическим и политическим реформам.

Провинциальные элиты не смогли самостоятельно создать политическую инфраструктуру, необходимую для подрыва доминирования центра, или сформировать с ним стабильные клиентелистские отношения. Поскольку центр и сам был неспособен сформулировать какую-либо долгосрочную позитивную стратегию, отдельные политические институты, группы и лица внутри правящей элиты могли решать лишь краткосрочные политические задачи, в результате чего страна постоянно находилась на грани кризиса. Перманентная политическая нестабильность предоставляла силовым структурам дополнительные возможности использования дешевых и «оперативных» способов решения «вопросов безопасности», то есть вооруженного подавления оппозиции на местах, а также разрешения межплеменных споров путем поддержки местных ополчений.

Одной из сторон коллизии «центр-периферия» является умышленная и продолжительная тенденция к эксплуатации провинций. Войны – логическое продолжение исторического процесса изымания средств у периферийного сельского населения, начавшегося в XIX в. и продолжающегося до сих пор.

Другим фактором, спровоцировавшим конфликт, стало снижение политико-административной роли органов местного управления. Принципы «милитаризованного трайбализма», которых правительство Омара аль-Башира придерживалось при управлении периферией, способствовали снижению роли местных администраций в решении земельных вопросов и созданию дополнительных предпосылок для возникновения конфликта. Племенная администрация была политизирована, милитаризована и манипулируема с незапамятных времен, но при нынешнем режиме милитаризация местной власти достигла особенно высокого уровня.

Успехи традиционной администрации в прошлом в основном связывались с разрешением конфликтов и управлением ими. Вожди эффективно

прибегали к традиционной судебной системе для разрешения споров, касающихся землепользования. В настоящее время эта функция традиционных правителей сведена к нулю, правительство же использует их для разжигания межплеменных конфликтов.

Конфликт в Дарфуре имеет региональный характер. Специфика взаимоотношений между Суданом, Чадом, ЦАР и Ливией, как на уровне режимов, так и на уровне оппозиционных движений и населяющих эти страны племен является важным фактором, приведшим к кровопролитной войне в Дарфуре. Причем в ситуации с Дарфуром трансграничные контакты создают больше возможностей для продолжения войны, нежели для установления мира.

Ливия и ЦАР сыграли важную, хотя и косвенную роль в дарфурском конфликте. Сразу после прихода к власти в 1969 г. Каддафи начал распространять арабское влияние на страны зоны Сахеля. После введения в 1992 г. санкций ООН, направленных против Ливии, влияние официального Триполи в регионе заметно ослабло. Однако большую роль начали играть неформальные каналы поставок оружия и других товаров, а также переброски боевиков в соседние страны. В свою очередь, ЦАР оказала немалое влияние на развитие конфликтов в Чаде и Дарфуре, так как в течение многих лет служила убежищем для вооруженной оппозиции чадским правительствам, действовавшей на территории всех стран региона. Кроме того, засуха и небезопасность передвижений чадских и суданских скотоводов в условиях вооруженных столкновений также предопределили изменение путей кочевых миграций, которые стали частично проходить по территории ЦАР. Что касается Чада, то он сыграл непосредственную роль в дарфурском конфликте, то поддерживая повстанческие фракции оружием и боеприпасами, то помогая суданскому правительству в борьбе против той или иной фракции дарфурских мятежников. В свою очередь чадские иммигранты в Судане, имеющие большой опыт ведения боевых действий на территории обеих стран, составили значительную часть как племенных ополчений, в том числе джанджавид, так и повстанческих движений.

Во второй главе «Движущие силы и ход конфликта» рассматриваются происхождение и организация племенных ополчений и повстанческих движений, а также уровень и характер вооруженных столкновений.

До сих пор нет согласия по вопросу о происхождении слова «джанджавид». Некоторые исследователи утверждают, что начиная с 1960-х гг. это слово использовалось для обозначения бродячих попрошайек или чернорабочих-арабов. Дарфурский ученый Абу аль-Башар Аббакер Хасан аль-Наби полагает, что неарабы стали называть «джанджавидами» боевиков арабского ополчения, которых сами арабы называют «фурсан» - всадник или наездник. Чадский ученый из Саламата Юсуф аль-Башар Муса считает, что «джанджавид» - это обозначение широкого спектра вооруженных формирований и полувоенных группировок, использовавшихся суданским правительством для подавления оппозиции в провинциях¹⁷. По одной из версий слово означает «джинн на коне». Костяк дарфурского джанджавид - скотоводы багара из центральных и южных районов Дарфура, а также чадских регионов Вадаи и Саламат, которые создали совместные формирования с северодарфурским племенем аббала-ризейгат, в основном верблюдоводами, также проживавшими на территории Дарфура и Чада.

Арабы и арабизированные нубийцы рассматривают джанджавид как часть состоящей из сахарских и сахельских арабов группы «джухайна», как и джанджавид, культивирующей идею арабского превосходства. Именно эта идеология завоевала им поддержку центрального правительства, которая объясняется также убежденностью правящей элиты в том, что привлечение арабских племен к контролю над Дарфуром является единственной гарантией сохранения этого региона в составе Судана. В ходе текущего дарфурского конфликта джанджавид сыграл роль, подобную той, которую сыграли арабские вооруженные отряды в Южном Дарфуре и Южном Кордофани, предотвратившие распространение операций южно-суданского повстанческого движения СНОД на территории этих регионов в 1980-х гг. Судя по всему, в планы правительства входило, как минимум, создание «арабского пояса» вокруг всего западного Судана с целью стабилизации арабского присутствия в Дарфуре, а как максимум - изменение демографии Дарфура. Милитаризация

¹⁷ De Waal, Alex. War in Darfur and the Search for Peace. Harvard, 2007, p. 127.

дарфурской политики позволила идее арабского превосходства превратиться едва ли не в государственную идеологию. Поэтому отряды джанджавид были официально признаны, обеспечены оружием, транспортом и униформой и начали использоваться как часть регулярной армии - Народных сил обороны с 1999 г.

Некоторые арабские племенные вожди, особенно те, чьи территории располагались далеко от зон конфликта, критиковали правительство за использование ополчений, указывая, что подобные разношерстные формирования не в состоянии придерживаться какого-либо морального кодекса в военное время. Кроме того, мобилизация джанджавид против повстанцев, как утверждали они, будет препятствовать политическому урегулированию кризиса.

Трансформация джанджавид в полурегулярные, или полувойсковые, отряды началась в связи с подъемом вооруженного повстанчества в Дарфуре. Сначала это произошло на севере региона, где, собственно, и зародилось повстанчество. В тех частях Дарфура, где джанджавид к началу 2000-х гг. еще не существовал, правительство сформировало отряды ополчения, причем как арабского, так и неарабского (обстоятельство, которое свидетельствует о том, что вначале режим намеревался опираться не только на арабов). Правительственным ответом на повстанчество стала полная поддержка именно арабской части джанджавид, начавшей участвовать в акциях Народных сил обороны, пограничной разведки, пограничной службы, мобильной полиции и других силовых структур.

Другой движущей силой конфликта является дарфурское повстанчество, которое представляет собой множество вооруженных группировок и фракций, разобщенных по регионально-этническому принципу, разнообразию целей вооруженной борьбы и международной ориентации. Среди причин бесчисленных расколов и размежеваний в рядах мятежников – их различная племенная и клановая принадлежность и личные амбиции лидеров.

Самые крупные и влиятельные повстанческие движения Дарфура - Суданское освободительное движение/армия (СОДА) и Движение за справедливость и равенство (ДСР) - были сформированы в 2003 г. Почти с самого начала их деятельность характеризовалась противоречиями внутри руково-

дства, нечеткостью структуры, слабостью военного командования и контроля над рядовым составом. Можно сказать, что каждый полевой командир был «президентом республики контролируемого им района» и признавал лишь им самим созданные «законы».

Дарфурское повстанчество, представленное в настоящее время десятками вооруженных группировок, зачастую носящих криминальный характер и, по сути, превратившихся в бандитские формирования, с первых лет его зарождения в начале 2000-х гг. отличалось рыхлостью военно-организационной структуры. Отсутствие единства в рядах дарфурской вооруженной оппозиции воспрепятствовало ее превращению в серьезного военно-политического противника режима в ходе конфликта и во время мирных переговоров.

Третья глава - «Пути разрешения конфликта и миротворчество в Дарфуре» - посвящена исследованию специфики миротворческого процесса в регионе, особенностей переговорного процесса, роли и значения международных миротворческих действий. Также рассматриваются политика России и США в отношении дарфурского конфликта и способов его урегулирования.

Автор анализирует ход и результаты мирных переговоров по урегулированию конфликта и причины невыполнения соглашений о прекращении огня, подписанных 3 сентября 2003 г. в Абеше (Чад), 8 апреля 2004 г. в Нджамене (Чад), 5 мая 2006 г. в Абудже (Нигерия), а также перспективы переговорного процесса в Дохе (Катар), начавшегося в 2009 г.

Переговорный процесс в Абудже, закончившийся подписанием Дарфурского мирного соглашения (ДМС) и проходивший под эгидой Африканского Союза с участием посредников из Чада, Нигерии и Ливии, наблюдателей ООН, ЕС, Лиги арабских государств, США, Англии и Франции, автор рассматривает как пример неправильного ведения переговоров.

Переговоры велись в то время, когда конфликт длился менее 6 месяцев, то есть когда обе стороны еще верили, что могут защитить свои интересы на поле боя. Между тем, практика разрешения конфликтов в разных точках планеты показала, что она наиболее эффективна в ситуации, когда все или хотя бы одна из сторон зашли в тупик, не имея средств и сил для продолжения

борьбы. То есть, стороны сели за стол переговоров, не созрев для них. До самого окончания дискуссий в мае 2006 г. противники рассматривали их скорее как тактический форум и передышку, нежели как центральную стадию миротворческого процесса. При этом вооруженные столкновения на местах не прекращались - как между правительством и движениями, так и между самими повстанческими группировками. А это снижало саму значимость переговорного процесса как такового и ценность его результатов по сравнению с военными победами.

Движения страдали от хронической разобщенности и неквалифицированного представительства на переговорах, что было неудивительным в ситуации с «молодыми» повстанчествами, не имевшими политической организации на местах и во главе которых стояли неопытные политические лидеры, волею судеб оказавшиеся в центре внимания мировой общественности. Они были не только плохо подготовлены для переговоров с опытными и искушенными противниками, но и страдали от углублявшегося с каждым месяцем раскола в рядах. Правительство также не желало пойти навстречу. Оно все время возвращалось к своим требованиям, до самого последнего момента отказываясь проявить гибкость. Деятельность посредников затруднялась необходимостью урегулирования конфликта в условиях продолжавшегося гуманитарного кризиса и боевых действий.

Уже в начале переговоров стало очевидным, что стороны изначально не желали участвовать в них, и потому не смогли бы достичь реального соглашения. Африканский Союз и другие международные посредники и наблюдатели, стремившиеся добиться быстрых результатов, прибегали к контрпродуктивной стратегии перманентного установления сроков подписания соглашения, что только мешало прогрессу.

Из-за постоянных изменений сроков и их психологического давления на всех «заинтересованных лиц», высокопоставленные чиновники ООН, АС, ЕС и правительств-доноров начали жаловаться на слишком медленный ход переговоров. Постоянным мотивом стало то, что «терпение международной

общественности истекает». Посредники и наблюдатели угрожали сторонам санкциями и предупреждали, что финансирование миротворческого процесса может прекратиться из-за отсутствия результатов. Например, британский министр иностранных дел Джек Стро, чье правительство было одним из главных спонсоров переговоров в Абудже, в январе 2006 г. заявил переговорщикам, что мировое сообщество уже вложило много средств, потратило массу времени и усилий, и его терпение не безгранично. Если стороны не достигнут быстрого соглашения, придется рассмотреть альтернативные варианты - военное вмешательство, санкции. Еще раньше подобное предупреждение озвучил нидерландский премьер-министр.

«Желание мирового сообщества» закончить переговоры в срок было проигнорировано суданскими сторонами. Давление на них, угрозы прекратить финансирование и призывы к соблюдению сроков и не могли способствовать урегулированию конфликта, так как на кону были человеческие жизни, права на землю и воду, власть и влияние, и на этом фоне «пожелания международной общественности» не имели почти никакого значения.

То, что подписание (представителем правительства и лидером одной из повстанческих фракций - СОД/А) соглашения не приведет к миру в Дарфуре, стало ясным очень быстро. Для многих дарфурцев особенности переговоров в Абудже - установление сроков и почти буквальное выкручивание рук, содержание соглашения и его последствия - стали доказательством того, что посредники стремились подписать документ без реального достижения мира. Единственной причиной, по которой западные страны вообще приняли участие в миротворческом процессе, как полагали дарфурцы, было наличие больших запасов нефти в регионе.

В 2010 г. в катарской столице Дохе посредники вплотную подошли к заключению полномасштабного мирного соглашения с созданным в 2009 г., благодаря усилиям спецпредставителя президента США в Судане С.Грейшена, Движением за свободу и справедливость (ДСС). Участники переговоров сконцентрировались на достижении консенсуса по конкретным

вопросам: разделение властных полномочий, выплата компенсаций, возвращение беженцев и т.п. В июле 2011 г. договор о мире между правительством Судана и ДСС был подписан, но не изменил ситуации в регионе, так как это Движение и без перемирия сотрудничает с правительством, а СОДА и ДСР не подписали соглашения. Именно поэтому вооруженные столкновения между суданской армией и мятежниками продолжаются.

В ходе переговоров, касавшихся ситуации в Дарфуре, поднимался вопрос о том, какие страны должны участвовать в миротворческих миссиях в регионе, при этом США неизменно возглавляли список. Хартум же утверждал, что согласится разместить в Дарфуре миссию, состоящую только из африканских войск. Однако такой вариант имел определенные негативные стороны. Еще бывший генсек ООН Кофи Аннан отмечал, что особенно сложно мобилизовать достаточное количество солдат из стран, чувствующих себя неадекватно представленными в СБ, принимавшем за них решения¹⁸.

С другой стороны, присутствие в Дарфуре больших западных и особенно американских вооруженных контингентов могло бы вызвать у суданцев подозрения по поводу истинной цели их миссии, так как американцы и прежде были замечены в поддержке диктаторских режимов в Хартуме и желании установить контроль над нефтяными месторождениями. В результате было принято решение укрепить уже находившиеся в Дарфуре войска АС силами ООН, состоявшими в основном из армейских контингентов африканских стран.

Усилия западных правозащитников в течение нескольких лет были направлены на подталкивание суданского правительства к созданию условий для полного размещения сил ООН в Дарфуре, на что Хартум, наконец, формально согласился при условии, что дислокация будет совместной с силами АС. Хотя не было никакого сомнения в том, что ЮНАМИД стала бы действовать по указанию Запада и не всегда в интересах простых дарфурцев, оставалась, тем не менее, надежда на то, что она сможет прекратить насилие.

Однако существовал и до сих пор существует целый комплекс препятствий позитивным изменениям в Дарфуре с помощью ЮНАМИД. Прежде

¹⁸ UN News, 21 Sept. 2006 - <http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=19948>

всего, войска миссии, размещавшиеся то в одном, то в другом районе провинции, могли поддерживать относительное спокойствие лишь на отдельных участках территории. Поэтому присутствие миссии только временно маскировало проблемы, которые возникали вновь, как только войска меняли место дислокации. Более того, поскольку не существовало единства среди дарфурских повстанческих фракций, ЮНАМИД периодически оказывалась в ситуации, когда ей приходится защищаться от какой-либо из дарфурских группировок или участвовать в вооруженных столкновениях на стороне одной фракции против другой.

Вообще перспективы разрешения дарфурского кризиса с помощью военной миссии представляются сомнительными. Практика показала, что военного решения для такого типа войн - борьбы за природные ресурсы и в конечном итоге - за выживание - не существует. Военное присутствие для удержания мира может быть условием для урегулирования конфликта, но не способом его разрешения. Если бы миротворческие силы оказались в центре конфликта, политические меры для разрешения которого уже были определены и одобрены сторонами, оказалось бы легче прекратить насилие и обеспечить безопасность гражданского населения.

К настоящему времени полномасштабный конфликт в основном трансформировался в цепь отдельных столкновений между повстанческими фракциями и подразделениями регулярной армии, мятежниками между собой и джанджавид, одного племени с другим, а также в нападения повстанцев и джанджавид на гуманитарные конвои и миссии, лагеря беженцев, базы миротворцев и т.д., осуществлявшиеся не в рамках вооруженной борьбы за политические и экономические интересы, а в ходе борьбы за выживание. При этом причиной неспособности ЮНАМИД предотвратить насилие являются не столько недостаточная численность формирований, их разбросанность по территории и отдаленность от многих очагов нестабильности, сколько нежелание ее командования участвовать в серьезных боевых действиях из-за вероятности чрезмерно больших потерь среди военнослужащих, что могло бы вызвать негативную реакцию стран, отправивших миротворцев в Дарфур, - вплоть до полной эвакуации подразделений. Однако не столько действия,

сколько само присутствие миротворческой миссии в Дарфуре в известной мере послужило стабилизирующим фактором.

Вопрос об американо-суданских отношениях - среди наиболее спорных во внешней политике США, спровоцировавший разногласия между отдельными группами политической элиты страны, в том числе в кругах, близких к последним американским президентам, включая Барака Обаму. С одной стороны, фундаменталистские христиане, неоконсерваторы с амбициозными геополитическими устремлениями (эта группа имела особенно сильные позиции в администрации Буша вплоть до первых неудач и проблем, возникших во время войны в Ираке), а также некоторые борцы за права человека призывали к военному вмешательству в дарфурский конфликт. С другой, – группы, сфокусированные на стратегической ценности нынешнего хартумского режима для США, из-за стремления иметь в качестве союзника, а не врага страну с большими нефтяными ресурсами и, кроме того, желания воспрепятствовать растущему влиянию Китая в Африке, выступали против излишней вовлеченности Соединенных Штатов в вооруженное урегулирование конфликта.

США стремятся к сохранению имиджа главного международного миротворца и чувствуют свою вину за невмешательство в события в Руанде в 1993 г., когда в результате геноцида погибло около 1 млн чел. Вместе с тем, общественность страны все чаще поднимает вопрос о том, почему именно американские солдаты должны погибать в Сомали, Афганистане, Ираке и других горячих точках планеты. В результате в последние годы Белый Дом старается придерживаться, с одной стороны, тактики отказа от односторонних акций, с другой - участия в миротворческих операциях в составе миссий ООН, а также в качестве посредников и наблюдателей в переговорных процессах.

В настоящее время довольно успешно действует российско-китайский союз в целях защиты стратегических интересов в Судане двух стран, противостоящих любым жестким решениям СБ в отношении Хартума. В 2006 г. Россия, наряду с Китаем, воздержалась при голосовании за принятие резолюции 1706 СБ ООН о введении международных миротворческих сил в Дарфур. Являющаяся участницей многосторонней контактной группы по Дарфу-

ру и обладающая серьезным авторитетом в том числе и в глазах суданского руководства, Россия неоднократно подчеркивала, что любые действия по стабилизации обстановки в регионе должны осуществляться только с согласия правительства Судана, и последовательно придерживалась той точки зрения, что только политическое решение может положить конец кризису в Дарфуре.

Россия неоднократно подчеркивала свою приверженность оказанию гуманитарной помощи, содействовала облегчению положения населения Дарфура крупными партиями риса и пшеницы, приветствовала соглашение между ООН и правительством Судана об упрощении работы гуманитарных организаций.

В Заключении подводятся итоги исследования и содержатся основные выводы, к которым пришел диссертант:

1. Дарфурский конфликт является комплексным - региональным (вовлеченность нескольких стран), экономическим (борьба за ресурсы и справедливое распределение государственных доходов) и политическим (борьба за власть) - по типу. Он отличается сильным напряжением и высоким уровнем насилия и представляет собой предельный случай обострения противоречий в суданском обществе, выражающийся в разнообразных формах борьбы между правительством и повстанцами, между отдельными лицами (членами правительства, лидерами повстанчества и т.д.), а также между группами (боевиков, ополчений, местных жителей, представителей различных племен, миротворцев и т.п.).

2. С точки зрения типологизации конфликта по временным показателям, дарфурский конфликт можно рассматривать как «долгосрочный», по пространственным показателям - как «региональный». В то же время дарфурский конфликт имеет черты и «конфликта неуправляемых эмоций» (отношения между лидерами повстанческих фракций), и «конфликта идеологических доктрин» (идея арабского превосходства и противостояние ей), и «конфликта политических институтов» (отношения между центральными и местными органами власти).

3. Дарфурский конфликт является одной из самых тяжелых гуманитарных катастроф современности, но применение к нему понятия «геноцид»,

несмотря на соответствующее обвинение, выдвинутое Международным уголовным судом в отношении президента Судана Омара аль-Башира, представляется недостаточно обоснованным. В частности, соответствующие статьи Конвенции по предотвращению и наказанию таких действий, как геноцид, от 1948 г. предполагают «намерение разрушить, целиком или частично, этническую, расовую или религиозную группу как таковую», а также пять разных действий: убийство членов группы; нанесение серьезных физических или психических травм членам группы; воздействие на условия жизни группы таким образом, чтобы привести к ее полному или частичному физическому уничтожению; использование мер, направленных на предотвращение рождаемости внутри группы; насильственное перемещение детей в другую группу. Таким образом, поскольку суданское правительство вело вооруженные действия лишь против дарфурских повстанцев, хотя при этом страдало и мирное население, уровень и характер осуществлявшегося насилия, тем не менее, не соответствуют параметрам геноцида.

Безусловно, в рассматриваемой ситуации многое указывает на преднамеренные действия правительства по уничтожению и рассеиванию определенных групп дарфурцев. Прежде всего, это насилие, осуществляемое в основном над африканскими общинами, при отсутствии такового в отношении арабского населения, и политические указания по изгнанию дарфурцев-неарабов с их земли. Но даже тот факт, что большинство дарфурцев было вынуждено покинуть свои дома, но не было уничтожено, указывает на намерение властей «очистить» регион, но не обязательно путем физической ликвидации проживающего в нем населения.

Вместе с тем обращаться к критериям и определениям важно, иначе понятие «геноцид» может стать предметом политического манипулирования: его будут избегать в случае, если его использование будет привлекать ненужное внимание, и применять, если обвиняемые в геноциде – официальные враги и их таким образом можно более сурово покарать. Подсчеты смертей в Дарфуре стали более политизированными, чем где-либо и когда-либо еще в современной истории. Однако завышение уровня смертности не помогает дарфурцам, зато дискредитирует активистов-защитников Дарфура в целом.

4. Война, разрушение и массовые перемещения людей в Дарфуре беспрецедентны прежде всего из-за того огромного внимания мировой общественности, которое они получили. Суданская периферия уже испытывала подобное в последние десятилетия, причем некоторые из кризисов были продолжительнее и кровопролитнее. Учитывая структурную турбулентность суданской политики, можно только удивляться, что Дарфур не оказался охваченным войной раньше. Он избежал этого, возможно, потому, что в регионе не было лидеров, необходимых для координированного восстания.

5. Конфликт в Дарфуре выявил много опасных черт суданской политики. Страна обладает глубоко укоренившейся исторической традицией, согласно которой Судан имеет доминирующий центр и окружающий его пояс, отличающиеся социально-политической стабильностью и эксплуатирующие окраины, с одной стороны, и периферию, которой свойственны беспорядок, вспышки насилия и недовольство, зачастую выливающееся в вооруженное противостояние центру, - с другой. Сложившаяся ситуация позволяет осуществлять политическое управление и избегать экономического краха, но не решает проблем, связанных с соперничеством внутри правящей группы и между политическими фракциями центра и периферии. Для представителей суданской политической элиты кризис стал «стилем жизни». Возможно, они предпочли бы мир и стабильность, но и существующее положение их устраивает.

6. Слабым звеном правящего режима остается армия. Доминирование центра в экономике и политике не привело к созданию сильных государственных институтов, которые могли бы эффективно использовать меры принуждения и подавления на всей суданской территории. В то же время силовые структуры, призванные обеспечивать безопасность режима, получили огромную власть и право безнаказанного действия на периферии.

7. Реальное перемирие в таком конфликте, как дарфурский, не может быть достигнуто быстро, так как он имеет многофакторные исторические, структурные, политические, социальные и экономические причины - комплексные, уходящие корнями в прошлое и с трудом отслеживаемые. Трудности разрешения подобных конфликтов усугубляются взаимной ненавистью и подозрительностью сторон. При этом достижение мирного соглашения не

должно проходить под давлением. Стороны должны осознать его необходимость, потому что в любом случае оно не может осуществляться без их согласия и готовности к сотрудничеству, а его прочность потребует их приверженности положениям подписанного ими документа на долгосрочной основе.

8. Процесс миротворчества в Судане не может соответствовать стандартной модели переговоров, согласно которой в них, с одной стороны, участвует объединенное правительство, с другой - объединенная группа повстанцев. В Судане переговоры всегда принимает форму самостоятельных пересекającychся и непересекающихся переговорных сессий, то отдельно с каждой фракцией внутри режима, старающейся определить наиболее предпочтительных клиентов среди повстанцев, то отдельно с каждым из повстанческих лидеров, пытающихся повысить свои шансы на интеграцию в центральный блок и внимательно следящих за соперниками, которые могут опередить.

9. Главными направлениями деятельности международных посредников должны стать налаживание судано-чадских отношений на долгосрочной основе, убеждение стран Запада отказаться от сепаратной поддержки отдельных повстанческих фракций, принуждение Хартума принять меры по улучшению социально-экономической ситуации в регионе, а повстанческих группировок - перейти к исключительно политической борьбе за свои права и интересы.

10. Важной особенностью конфликта является появление необратимых тенденций к изменению образа жизни значительного числа дарфурцев. В результате перемещения больших групп населения, в основном внутри Дарфура и на территорию Чада, регион пережил самый быстрый и массовый процесс урбанизации в его истории. Миллионы людей живут в лагерях и в то же время внутри городов. Ньяла, третий по величине город Судана, расширяется на глазах, поглощая окружающие деревни. Многие земледельцы не занимались сельскохозяйственными работами в течение нескольких лет и выживают благодаря гуманитарной помощи и нерегулярным заработкам. Даже в условиях мира многие из них уже не вернутся к деревенской жизни. Тем более, что перемещенные лица - недавние сельские жители - получили дос-

туп к обслуживанию и удобствам, которых они никогда не имели раньше: к здравоохранению, образованию, чистой воде. Многие дарфурцы приобрели новые привычки и потребности, хотя их удовлетворение в основном зависит от иностранной помощи.

11. Представляется, что в сложившейся ситуации наиболее приемлемым выходом из патовой ситуации с мирными переговорами между повстанцами и правительством аль-Башира явился бы отход от тактики преодоления фрагментарности оппозиционных групп и проведение сепаратных переговоров с отдельными повстанческими лидерами с целью их интеграции во властные структуры с одновременным возложением на них задачи по обеспечению безопасности в Дарфуре. Между тем, даже урегулирование конфликта, скорее всего, не приведет к его разрешению, так как его причины уходят в далекое прошлое страны и затрагивают огромные массы населения.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях (общий объем 8,5 п.л.):

1. Костелянец С.В. Политическое лидерство в Африке. По страницам зарубежных изданий // Восток, № 4, 2011. С. 182-189 (1,1 п.л.);
2. Костелянец С.В. Конфликты по-африкански: динамика и способы урегулирования // Азия и Африка сегодня. № 1, 2010. С. 40-43 (0,5 п.л.);
3. Костелянец С.В., Денисова Т.С. Политические конфликты в Африке: причины возникновения и способы урегулирования (по материалам зарубежных публикаций) // Восток, № 4, 2010. С. 168-176 (1,1 п.л.);
4. Костелянец С.В. Политика США в Дарфуре. Ближний Восток и современность. Сборник статей (выпуск 41). М., 2010. С. 39-87 (3 п.л.);
5. Костелянец С.В. Участие США в разрешении политических конфликтов в Африке. Материалы VIII Всероссийской научной конференции «Школа молодого африканиста» (Москва, 22-23 октября 2009 г.). М., 2009. С. 12-14 (0,2 п.л.);
6. Костелянец С.В. Выборы в Судане: трудности организации. Сайт Института Ближнего Востока. 05.04.2010 (0,4 п.л.);

7. Костелянец С.В. Об Африканском Командовании США. Сайт Института Ближнего Востока. 30.09.2009 (0,4 п.л.);
8. Костелянец С.В. Деятельность Агентства США по Международному Развитию в Судане. Сайт Института Ближнего Востока. 04.08.2009 (0,3 п.л.);
9. Костелянец С.В. Журнал "Foreign Affairs" о позиции США в отношении Судана. Сайт Института Ближнего Востока, 12.07.2009 (0,2 п.л.);
10. Костелянец С.В. Мнение американского эксперта об американо-суданских отношениях. Сайт Института Ближнего Востока. 09.08.2009 (0,3 п.л.);
11. Костелянец С.В. Слушания в Конгрессе США по Судану. Сайт Института Ближнего Востока, 23.05.2010 (0,3 п.л.);
12. Костелянец С.В. Суданские лидеры о положении в стране, американских санкциях и позиции США. Сайт Института Ближнего Востока, 17.08.2009 (0,5 п.л.);
13. Костелянец С.В. США, Китай и нефть в Судане и Чаде. Сайт Института Ближнего Востока, 12.08.2009 (0,4 п.л.).

Усл.п.л. – 1.5
Заказ №06757
Тираж: 120экз.

Копицентр «ЧЕРТЕЖ.ру»
ИНН 7701723201
107023, Москва, ул.Б.Семеновская 11, стр.12
(495) 542-7389
www.chertez.ru